

МАРИЯ ФРАНЦУЗСКАЯ

ДВЕНАДЦАТЬ
ПОВЕСТЕЙ

В ПЕРЕВОДЕ
ВЕРОНИКИ ДОЛИНОЙ

Мария Французская
Двенадцать повестей

«Водолей»

Французская М.

Двенадцать повестей / М. Французская — «Водолей», — (Звезды зарубежной поэзии)

ISBN 978-5-457-24757-4

«Меня зовут Мария, я из Франции» — это единственная фраза, которую оставила о себе потомкам великая поэтесса конца XII — начала XIII веков, и по ней в литературоведении с 1820 года, когда ее драгоценные «Двенадцать повестей» впервые были опубликованы, она получила имя. О том, что она прибыла в Англию (где и жила при дворе короля Генриха II и королевы Альенор Аквитанской), свидетельствует лишь ее бретонский диалект; сюжеты же ее «повестей» всецело принадлежат миру кельтской истории и мифологии. Вот уже почти двести лет книга Марии Французской входит в сокровищницу европейской литературы, однако по сей день на русском языке были опубликованы лишь 3–4 повести, притом в малодоступных изданиях. Вероника Долина, пересказавшая лэ Марии Французской русскими стихами, открывает читателю мир бретонских легенд, от которого и по сей день веет свежестью.

ISBN 978-5-457-24757-4

© Французская М.
© Водолей

Содержание

Предисловие переводчика	5
Пролог	10
Гижмар	12
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Мария Французская Двенадцать повестей в переводе Вероники Долиной

Предисловие переводчика

Пришло время рассказать об этом. Не знаю, как справлюсь.

Эти переводы – надолго, на много лет отложенная, отодвинутая интрига.

Я обнаружила «Лэ Марии Французской» очень давно, в школьные еще годы, фрагментарно, в каких-то учебниках. Марию Французскую по-русски изредка печатали с начала двадцатых годов XX века. Возможно, потрудившись, можно было бы восстановить, где именно, когда, кто и что переводил. Но «моя» Мария Французская оказалась именно моей сразу же, а впечатление от ее повестей стало пожизненным, как заключение.

По преданию, Мария Французская жила и сочиняла при дворе Альенор Аквитанской. Писала «для своего короля». Точнее, для Генриха II: на старинной гравюре именно ему она подносит рукопись своей книги. Возможно, что и так: Генрих Плантагенет по прозвищу «Короткий Плащ», основатель династии Плантагенетов, был английским королем, мужем Альенор, и среди их детей были короли – от Ричарда Львиное Сердце до Иоанна Безземельного. У Генриха было много титулов, и первым среди них – после «король Англии» – подчеркнуто стояло: «Герцог Нормандии». Хотя благодаря браку с Альенор под его властью находилась практически вся нынешняя часть Франции, в том числе, конечно, и Нормандия. Альенор, кстати, была внучкой герцога Аквитании, великого трубадура Гильома IX, которого нередко зовут «Вийоном XII века». Поэзию в те времена ценили очень высоко. А дарование Марии Французской, судя по всему, чттили многие ее современники.

Я уже не раз побывала на развалинах замка Альенор в городке Домфрон, в Нормандии. Ничьих следов там не обнаружила. А перевести текст мне стало просто необходимо.

Итак, это – цельная конструкция из 12 лэ (баллад) и пролога.

1. «Гижмар» – фантастическая повесть со сказочными аксессуарами (говорящая лань, самоходный корабль, заговоренная рубашка), близкая к истории Тристана и Изольды. Имя героя можно попытаться расшифровать – кроме бретонского происхождения, не откинешь латынь и французский. Вероятно, оно означает Бедняга, Бедолага, и, кстати, всюду намеки не на злключения, а на незаинтересованность в дамах; все его раны как-то неспроста. Одно замечание: Мерьядюк – это противник Гижмара, а ведь Мершадукот звали отца Тристана. Ну, а мачеха Тристана – дочь короля Хеля, с которого повесть-то и начинается...

2. «Эквитан» – что-то вроде фарса с грозным юмором, а имя героя сообщает о том, что он был, натурально, весьма совестлив, не труслив, а вот именно стыдлив, для короля это незаурядно. Похоже, имя Эквитан происходит от «уравновешенный, компромиссный». Ну, плюс Аквитания, плюс «аква», любителю средневековья хорошо знаком «Фарс о лохани».

3. «Ясень» – это классическая история о близнецах. В литературе предание прирастает и «Беяночкой и Розочкой», и «Легендой о близнецах» Цвейга, и «Двенадцатая ночь» Шекспира тоже тут.

4. «Бисклаврэ» – насколько можно расшифровать, это причудливое для нашего слуха имя означает «двуликий» или, по-русски, именно «оборотень», хотя и «говорящий волк» – тоже. Наверное, излишне указывать на «Аленький цветочек» Аксакова, на все вариации «Красавиц и Чудовищ», – это очевидно. Вербольфы и гару изобильны во всех мифологиях. Проспер Мериме написал своего «Локиса» будто на материале литовской сказки. «Бисклаврэ» – оригинальный сюжет мелюзинного рода, правда, двойную жизнь ведет мужчина, а не дама-фея. И он не погибнет от руки человеческой, как это было с Мелюзинной. Предателей накажут, герой уцелеет. А тайны свои надо охранять; все уж очень хрупко, между нами говоря.

5. «Ланваль» – единственная повесть из артуровского времени. Герой присутствует за Круглым столом, его следы обнаруживаются и в списке рыцарей, и в реальной Бретани. Рыцарь попадает в обольстительный плен царицы иных миров. Пушкинская «Сказка о Золотом Петушке» приветствует нас, да и Шехерезада тоже. Лояльности верноподданической тут нет никакой: Артур глуп и жесток, а Гиневра отвратительно, не по-королевски коварна. Зато появляется Авалон – туда-то Ланваля и эвакуируют, от беды подальше.

6. «Влюбленные» – вневременная универсальная история о тех, кто шел, да не дошел, был слишком простодушен и чист. Чтобы выжить и остаться с выигрышем, следовало схитрить. Оказывается, не все на это способны. Кстати, юноша командирован в Салерно, а это тогда – нормандский городок с развитой собственной фармакологией, оттуда и тонизирующий напиток в кувшинчике...

Это единственная нормандская повесть у Марии Французской. Похоже, этот холм, неподалеку от города Эвре, существует. К тому же, сказку Ш. Перро «Гризельда» считают происходящей от этой повести. Овдовевший король влюбляется в дочку – довольно скоро сказители закроют эту безупречную тему, появятся «Белоснежка», «Мертвая царевна с семью богатырями». Про-

межуточная фигура злой мачехи прикроет исторический грех короля-отца.

7. «Йонек» – это бретонское имя. Яник, Янник вообще часты, а это, возможно, вариант Иоанна. Рыцарь-птица и в «Финисте-ясном соколе» рыцарь. А героя повести зовут иначе – Мулдумарек. Он тоже существо, живущее в двух мирах, а все же сказание о нем – не мелюзинного цикла. Он не стремится жить среди людей, знает, что они опасны. Его мир четко очерчен, выписан с деталями, и это «нижний мир». Похоже, из судьбы и имени его исходя, что он из падших ангелов. Сказочница XVII века Мадам д'Онуа написала свою «Синюю птицу» по мотивам «Йоника». Упомяну вскользь, что край Бретани – это мыс Финистер.

8. «Соловей» начинается с трогательного разъяснения автора того, что бретонское слово «аостик» она не променяет на французское «россиньоль» или английское «найтинг-эйл». Чуть помедлив, поэтесса возвращается к нежному «аостик». Это маленькая поэма о нравах жизни города, где дома – вот беда-то! – стоят стена к стене. Поэмка проста, да не очень, и в ней вновь отсыл к Тристану и Изольде.

9. «Милон» – это имя встречается среди рыцарей Круглого Стола. История младенца, отданного на воспитание, пущенного «по волнам», отодвинутого отцом и матерью до лучших времен – этих сюжетов не счесть: от Моисея, через Мольера, Шекспира, да и пушкинская «Сказка о царе Салтане» встроится, хоть дитя отправили не в одиночку, а с мамой. Как зовут юного рыцаря, так и не выясняется, а Милон – имя героического отца. Между прочим, отец Роланда тоже звался Милоном и был родич Карлу Великому.

Имя премудрой матери, отправившей младенца в ссылку на 20 лет, тоже остается неизвестным, по прихоти автора. Присутствует волшебный лебедь, который носит любовникам почту эти самые 20 лет, жалкая участь птицы из баллады «Соловей» его минует. Вообще, у этой странной семьи все будет хорошо.

10. «Несчастный» – это курьезный средневековый (а может, и актуальный?) эпизод о невольном дезертирстве, о человеке, попавшем в неловкое положение. Мне кажется, скорее так, чем считать это повестью о капризной красавице, возможно, королеве Альенор, или о графине Шампанской. Чуть анекдот, чуть поклон рыцарству с его догматами. Не с чем, пожалуй, и параллель провести, это какой-то капитан Тушин из «Войны и мира».

11. «Жимолость» – единственная вещь Марии Французской, представленная во всех антологиях, хрестоматиях средневековой литературы. Это изолированный фрагмент из «Тристана и Изольды», извлеченный поэтессой, по ее словам из рукописей, из старых книг. Отчего-то именно встреча влюбленных в лесу, кульминация их отчаяния привлекла внимание автора. Возможно, собранная в этом эпизоде пороховая энергия боли и безвыходности впрыснула в строки «Жимолости» нечто, что многих и многих притягивает к этим стихам по сей день. Автор терпеливо разъясняет слово «шеврофей» – козий листик по-русски, приводит английское «готлиф», перевод тот же, а нам достается загадочное ботаническое «жимолость».

12. «Элидюк» – это даже небольшой стихотворный роман, полифонический вполне: внутри него есть и «Гижмар» с таинственными плаваниями, и «Влюбленные», где король-отец равнодушен к дочке, и Милон с его воинскими заслугами, и «Жимолость» с лесным колдовством. Но это абсолютно самостоятельный сюжет. Множество мужчин всех эпох примут эту историю близко к сердцу. А имя Элидюк вновь подает нам знак: это, пожалуй что, «избранный» и «изгнанный» в одном лице.

Что-то из моих комментариев покажется наивным, что-то забавным.

* * *

Для меня нет сомнений в том, что сказочные повести в стихах Марии Французской – одно из первых подлинно литературных событий старинной, очень старой Европы. Обольстительная складность, мед для переводчика. Я даже взламывала эту чуть монотонную музыку синкопами и секвенциями.

Ее усмешка, твердая рука драматурга, простоватые с виду «входы и выходы» каждой из баллад, ее доверительные отношения с высшим и низшим миром – все это было вне поля зрения тех, кто читает только по-русски.

Магическая реальность – так издавна это называется, и поэтесса была не сказочница, не фольклорист, а рассказчица. Пересказчица даже: она ведь перевела с латыни эти старые бретонские сюжеты, выбрав их из старых книг, потрудившись, видимо, в скрипториях. Так она пишет. Перевела она их на свой старофранцузский язык. Отчего? Я не знаю. Возможно, нуждалась в поддержке магией. Какой магией?

Настоящей, литературной, рифмованной.

Есть в мире Европа. Есть в Европе Франция. Там есть Бретань. Множество сказок там лежит, где их положили очень давно. Корабли там заходят в бухты; контур побережья таков, чтобы спрятаться, как кораблик Гижмара.

А люди там живут, дети ходят в школы, по некоторым признакам.

В книжных магазинах продают карты местности – для тех, кто...

* * *

Моя пожизненная спутница, моя Мари де Франс кое-что завещала нам и, как всегда, сделала это тихим голосом, гибко, между сказочными строчками:

- * читать и почитать старые книги;
- * литературную работу делать тщательно и упорно;
- * выбирать лучшее из того, что предлагает реальность, для высшей цели;
- * обрабатывать и пересказывать, рифмовать и импровизировать, осваивать старинный сюжет как свой собственный, быть его хранителем.

Литературное изделие живет неправдоподобно долго, в некоторых странах особенно; в десятки раз дольше каждого из нас.

Полюбит ли мой современник, говорящий и читающий по-русски, этих героев, их приключения?

Кое-что рискованно, кое-что очень по-моему.

Дело в том, что давно уж «нет в мире короля, которому смогу все песни перепеть, что в сердце берегу».

Вот они – эти двенадцать.

Вероника Долина

Пролог

Уж если дал Господь
Таланта и ума —
Не стоит избегать
Ни чтенья, ни письма.
Увидел — записал.
И смотришь — семена
Уже взошли, цветут,
Прошли сквозь времена.
Услышал — повтори.
А тот, кто рядом был,
Не слышал ничего.
Что помнил — все забыл.
А ты-то видел знак —
Луч солнца, например.
Вергилий делал так
И старенький Гомер.
Для тех, кто слаб умом,
Приходится творить.
Им надобно сказать
И трижды повторить.
И ключик повернуть
В заржавленном замке —
Чтоб звякнул бубенец
На самом языке.
Взяла — перевела
Я все на тот язык,
Который вам знаком,
И всяк к нему привык.
Пусть многие брались —
Иных давно уж нет...
Слова еще нашлись,
Да потеряли цвет.
И вот я принялась
За сказочки в стихах —
Чтоб не перевелась
История в веках.
Чтоб шел за ночью день,
Чтоб миром Бог владел,
Чтоб знала место тень,
А демон — свой предел.
Нет в мире короля,
Которому смогу
Все песни перепеть,
Что в сердце берегу.
А если уж найду

Мужчину без грехов,
Тотчас ему отдам
Тетрадь своих стихов.
...Кому ж не дал Господь
Таланта и ума —
Пусть избегает хоть
И чтенья, и письма.

Гижмар

Когда рассказ хорош – там зернышко на дне.
Ты зернышко найдешь, а сладко будет мне.
Счастлива та страна, где добрые дела
Творятся дотемна, и ночь у них светла.
Могучи их цари, и тюрьмы там пусты.
Светлы монастыри, а пастыри просты.
Мы знаем много слов, но лучшие – тихи.
И что нам до ослов, не верящих в стихи?
Хочу вам рассказать негромким голосом
Историю одну, добытую тайком.
Бретонцы говорят: в стране забытых фей
Истории лежат, но ты найти умей!

* * *

В то время правил Хель, удачливый король.
При нем – один сеньор. О нем скажу, позволь.
Прекрасный кавалер звался Оридиал —
Семейный человек, придворных идеал.
С супругою своей он проводил часы —
И дал им Бог детей невиданной красоты.
На то и есть Бретань, там имя – как удар.
Девчушку звать Ноган, а мальчика Гижмар.
Уж как их любят мать и ласковый отец —
Но время вылетать из гнездышка, птенец!
И юноша идет на службу к королю.
Все юноше идет – как я это люблю! —
Доспехи, стремяна, и скачки, и бои...
Вот были времена любимые мои!
И юноша не ждет, что грянет волшебство —
Во Фландрию идет, там яростней всего
В огне далеких стран сражался кавалер...
Но был один изъян: на женщин, например,
Он вовсе не глядел, неясно почему,
И ни одна из них не нравилась ему.
Нет, более того: он избегал любви,
Как будто бы и так носил ее в крови.
Уже чуть-чуть смешон для преданных друзей,
Невинен, отрешен – живет наш ротозей.
Но вот пришел домой. Сестра, отец и мать —
Его наперебой ласкать и обнимать.
Со всеми ровно мил, без радостей иных,

Он целый месяц жил в семье, среди родных.

* * *

Так можно и пропасть без видимых причин.
Но есть иная страсть для подлинных мужчин —
Охота! Наконец созвали егерей,
И мчится наш юнец в лесную глушь скорей.
И нож при нем, и лук, и полчище собак.
И что ж он видит вдруг, плечом раздвинув мрак?
Там на опушке лань стоит, белым-бела.
И олененок с ней. И отступила мгла...
И царственнее всех, так нежно хороши —
Что снимут тяжкий грех с измученной души.
Наш воин, наш герой, наш храбрый юный друг!
Достань скорее свой выдавший виды лук.
Да не зови друзей и перестань дрожать.
А белой лани – ей стрелы не избежать.
Спасенья зверю нет. Стрела летит хитро.
Но странный был дуэлет – Гижмар пронзен в бедро.
Он сам пустил стрелу – и кровоточит он,
И к своему седлу почти что пригвожден!
Он падает в траву... Пред ним олень лежит,
Во сне иль наяву лепечет и дрожит:
Ты, рыцарь молодой, меня не пощади.
Я, рыцарь молодой, тебя не пощажу!
Ты думаешь, что ты легонько ранен был?
А я судьбу твою сейчас перескажу.
Ни дикая трава, ни тайный корешок
Не вылечат тебя, кровавый мой дружок.
Заклятья и стихи, врачи наперечет —
Дела твои плохи, и боль не истечет,
Покуда не найдется женщина одна,
Что за тобой пойдет до самого до дна,
До сердцевины сна, до пламени в аду.
Отыщешь – будешь жив. Гижмар сказал: найду.
Оставь меня теперь! – мгновение спустя
Шепнул несчастный зверь, и пало с ним дитя.

* * *

Гижмар с тех самых пор не может кровь унять
И странный приговор старается понять:
Куда ему идти, в каком-таком краю
Искать и обрести кудесницу свою?

И отсылает он, всего в слезах, слугу:
Иди, любезный друг. Я больше не могу.
Я бодрствую во сне – такая точит боль,
Как будто в рану мне все время сыплют соль.
Скачи к моим родным – им сердце не солжет,
Но объясни ты им, что рана смертно жжет...
Слуга собрал добро, поплакал и исчез.
Перевязав бедро, Гижмар уходит в лес.

* * *

Хромая, будто зверь, он вышел по ручью
На бережок теперь – и увидел ладью.
Он смотрит все смелей: кораблик на воде.
Таких-то кораблей он не видал нигде.
Стоит себе один, и не видать других —
Как будто из глубин он вынырнул морских.
Эбеновая снасть, из шелка паруса —
Готов отплыть, пропасть, взлететь под небеса.
Наш раненый герой немало удивлен:
За этою горой морей не помнит он!
Не знал, что корабли заходят в этот порт.
И вот уже с земли ступает он на борт.
Чеканка и резьба, и жемчуга гряда...
Ну, что ж, сама судьба вела его сюда.
Упасть себе позволь, чтобы очнуться вновь!
Он забывает боль, он вытирает кровь.
Толкнут тебя тычком – в александрийский шелк
Ты упадешь ничком, чтоб не завывать, как волк.
...Кораблик побежал по морю, по волне.
Там наш Гижмар лежал, так думается мне.
Не виден капитан, не слышен экипаж,
А вот корабль летит, как призрак, как мираж.

* * *

Меняется все, захотелось и мне изменить свой стих.
Кораблик причалил, как будто бы ветер внезапно стих.
Страной этой правил давно уже, с незапамятных пор
Тот, кто был и не муж своей госпоже, – пожилой сеньор.
Что за любовь?! Нет горя смешнее, чем ревность мужей-стариков.
Что-то вроде потери зубов, или даже нежнее,
это их прорезывание рогов...
Себя не желая признать уродом,

Карауля ночи и дни,
Он выстроил башню с единственным входом,
Чтоб жена оттуда ни-ни.
Лишь море гладило мраморный
Башенный бок.
Хотя ведь и с моря, если действовать грамотно,
Кто-то подплыть бы мог.
А в башне – унылой, серой —
Часовню устроил муж.
И ценною росписью – сцены с Венерой —
Украсил ее к тому ж...
Вот старый Овидий – он нам нужен самим,
Мы любим читать на сон.
А наша пленница им топит камин —
Извини, дружище Назон.
Так вот, нашей даме, заложнице, избраннице на века,
Была поблажка положена: служанка, племянница старика.
Они подружились и жили как сестры,
Как птички в своем раю,
Хотя этот рай и стоял
У пропасти на краю.
Лишь старый священник, единственный, худенький и седой,
Имел свой ключик к таинственной двери над самой водой.
Он был им вернее друга, капеллан им был и слуга.
Такого слуги услуга особенно дорога.

* * *

Но час приближался, и тем он запомнится вам сей час,
Что в полдень проснулся демон, испытывающий нас.
Юные дамы посмеют выйти проветриться в сад —
Но не думаю, что сумеют легко вернуться назад.
Что видят они? Вот странно: корабль, пестры паруса.
Кораблик без капитана, прекрасный как небеса.
Кораблик все ближе, ближе, какой-то полет стрижа!
Но что я, как зритель, вижу? Несчастливая госпожа!
Смертельно бледные обе, дамы бегут к воде.
Корабль еще не причалил, встречающих нет нигде.
Служанка на мостик взбегают, старается не дрожать,
А госпожа выжидает, и некуда ей бежать.

* * *

Случилось то, что случилось.
Все в жизни пошло вверх дном.

Конечно, дама влюбилась
В Гижмара, объятого сном.
Попробуйте не влюбиться,
Не возненавидеть свой хлев —
Когда перед вами рыцарь,
Прекрасный, как спящий лев.
Он в башне уже очнулся,
Когда наступил рассвет.
Прислушался, оглянулся —
А боли почти что нет.
То жизни серьезный признак:
Боль уходит, как дым.
И женщина, будто призрак,
Склоняется перед ним.
Что делать, что дальше будет?
Как с этою дамой быть?
А вдруг она не полюбит,
Не станет его любить?
Он все-таки иноземец, не знающий языка.
А дама – чужая дама, хотя, возможно, пока.
Хозяйке прекрасной башни он говорит напрямик:
Сударыня, мне не страшно, я к боли своей привык.
Но если, милая дама, вам меня не спасти —
Выходит, у вас тут прямо найду я конец пути.
Она его обнимает, целует горящий рот.
Она его понимает – не всякая так поймет.
К тому же, друзья, к тому же зажегся огонь в крови:
Она прожила при муже, не знающая любви.
Вот так заключилось дело, победу побед верша —
И тело любило тело, а душу нашла душа.

* * *

Герой и любовь героя, укрывшись от всех невзгод —
Так прожили эти двое свой самый счастливый год.
Служанка их тоже не смела вздремнуть среди ночи и дня:
Служила им, как умела, и грелась у их огня.
Ах, милый, единственно милый! —
Шептала дама чуть свет.
Любить вас с такою силой
Уже моей силы нет.
Но, если другая найдется неведомая любовь —
Душа моя разорвется, и выкипит моя кровь.
Не бойся, не надо! – тихо он ей говорит в ушко.
Забыла, что олениха мне напорочила? Что
Я только с тобою буду до самого судного дня,
А если тебя забуду – найдет моя боль меня.

И дама берет рубашку из тонкого полотна.
Надень – говорит – мой милый! И буду лишь я одна
Завязывать хитрый узел сегодня и всякий раз.
И никакая другая. Такой тебе мой наказ.
А та, что его развяжет, распутает на груди —
Она пусть тебе и скажет, что будет там, впереди.
Гижмар ей в любви клянется, хотя и сам поражен,
Что никто узла не коснется – ни ножницами, ни ножом.
А все-таки, беспокоясь о том, чего еще нет,
Он надевает ей пояс: в застёжке – старый секрет.
Кто тайной любви желает, кто хочет в огне пропасть —
Застёжку сперва сломает, чтоб утолить свою страсть.
...И в тот же день непогожий
Открыли их тайный грот:
Слуга, на крысу похожий,
Нечаянно их найдет.
Как будто бы с порученьем он тихо шел к госпоже —
А дальше видели только, как опрометью уже
Бежал к своему господину... И старый грозный сеньор
Отправился к девичьей башне, где не бывал с давних пор.
Он в ярости дверь обрушил из корабельной сосны
И рыцаря обнаружил в объятьях своей жены.
Ну? – смотрит старик угрюмо. – Откуда же ты, герой?
На дне какого же трюма ты прибыл на берег мой?
Тут корабли нечасты, у этих старинных скал.
За что ты мне дал несчастье, какого я не искал?
Не всякому удастся грудь старую растерзать...
И что тебе остается, как правду мне не рассказать?

* * *

Гижмар говорит, как было: как боль его привела
К берегу, где полюбила дама его и спасла.
Как видно, судьба превратна, и случай тут непростой.
Сеньор отвечает: Ладно. Я понял тебя. Постой.
Ты говоришь, что прибыл сюда к нам на корабле.
А что же никто не видел его на нашей земле?
Ты где-то его припрятал? А место не позабыл?
Гижмар отвечает: Помню. Кораблик мой там, где был.
Его сейчас же уведят. Поставили паруса,
И тихо корабль уходит – плывет себе в небеса.
Плачет Гижмар, рыдает, даму свою зовет.
А Бог за ним наблюдает, и корабль – плывет.

* * *

Спустя три дня и три ночи – родимые берега.
Гижмар и глядеть не хочет. Но видит: верный слуга,
Что был в тот день на охоте, он ждал его целый год.
Да где вы еще найдете друга, который так ждет?
Гижмар кидается к брату – надежному, как стрела.
Ей-богу, дорога обратно совсем не напрасной была.
В семье его ждали страстно – без памяти каждый рад,
Что сын вернулся из странствий, бесценный вернулся брат.
И мать, и отец хлопочут, соседи прочат невест.
Но рыцарь смотреть не хочет. Но рыцарь не пьет, не ест —
О даме своей тоскует, которая узелком
Ему затянула рубашку, к себе привязав тайком.
Об этом узле новейшем, как об одной из примет,
Узнало множество женщин, а как развязать – так нет.
Как только они ни бились – всех ждал один эпилог:
Ничего они не добились, крепкий был узелок.

* * *

А что же с нашею дамой тем временем произошло?
С той дамой, любимой самой, с той, что излучала тепло,
Которое исцелило и сердце, и раны боль?
Позволь, расскажу, читатель, о, ты только мне позволь!
Как прежде, она томится в башне на берегу.
От мужа во всем таится – зачем, сказать не могу.
Два года, два долгих года никто к ней не заглянул.
Едва ли он жив, твой рыцарь, верней всего – утонул.
Из башни она спустилась – а как, откуда мне знать?
И вскорости очутилась на том же месте опять...
Дух этой маленькой бухты два года секрет таит,
И видит она: как будто такой же корабль стоит.
Ах, так? Молодая дама решительно рвется в бой.
Ах, так? И кораблик прямо летит в простор голубой.
Куда он бежит – не знаю, куда бегут корабли:
И в Индию, и к Китаю, и к самому краю Земли.
Но Бог наш корабль направил в Бретань, а не на Луну.
Сеньор Мерьядюк там правил, вел небольшую войну.
И вот коменданту форта видится из окна:
Корабль швартуется гордо, а на корабле – она.
Она хороша как фея, да, может, фея и есть?
И воин глядит, не смея руку судьбы отвести.
Должно быть, она уважит сурового сердца стук
И скоро-прескоро скажет: Сядь ближе, мой Мерьядюк...

Вот гостью, чуть беспокоясь, к себе пригласил сеньор.
Но что это? Грубый пояс, странный на нем узор.
Где гладкие женские ножки хотелось обнять рукой —
Одни лишь пряжки-застежки, и нежности никакой.
Что это? — спросил он сухо. — Я должен об этом знать.
И даме хватило духу о поясе рассказать.
Ах, вот вы какого роду! — досадует наш сеньор.
Я слышал про эту моду в округе с недавних пор.
Я даже знаю мужчину, что даст себя растерзать,
Но только бы без причины рубашку не развязать.
Рубашку?.. Под ней качнулся и тихо поплыл весь мир.
Сеньор меж тем отвернулся и кликнуть велел турнир.
Турнир! Вот и все терзанья окончатся что ни есть.
Кто выиграет состязанье — тому и дама, и честь.
И женщина ждет и бредит, и страстно ждет новостей:
Конечно, Гижмар приедет из облачных областей.
Да вот уж и он — и нету ни мрака, ни пустоты.
Любимая, ты ли это? Возможно ли — это ты?
С тревогою наблюдает за встречей наш Мерьядюк:
Еще одно ожидает вас испытанье, мой друг.
Велите подать рубаху — ту самую, со шнурком.
Вот мы и увидим пряху, что справится с узелком.
Сестра Мерьядюка, в надежде, пробует в свой черед —
Но узел тугой, как и прежде. Ничто его не берет!
А фея как ухватила — узнала свой узелок
И с легкостью распустила, как вязаный свой чулок.

* * *

Сударыня, Боже, Боже! Лишь вы это знать могли!
Скажите же, что вы тоже мой пояс уберегли!
И, трогая понемножку одно из приятных мест,
Нащупывает застежку — эмблему вечных невест.
...Вы думаете, смирился с таким пораженьем наш друг?
Вы думаете, изменился наш воин, наш Мерьядюк?
Думаете, отдали невестам их женихов?
Тогда вы мало читали и книг, и старых стихов.
Гижмар говорит Мерьядюку: Два года вам буду служить,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.